



**Grigore Pop-Eleches,
Joshua Tucker**

Communism's Shadow: Historical Legacies and Contemporary Political Attitudes

Princeton: Princeton University Press, 2017

До какой степени посткоммунистические страны все еще несут на себе печать коммунистического прошлого в наши дни, спустя более четверти века после падения коммунистических режимов? Одни склонны видеть в коммунизме источник всего плохого, что сейчас происходит в обществе, неудачный “эксперимент”, приведший к глубочайшей деформации и разложению общества, которые создают непреодолимые препятствия на пути к экономическим реформам и к демократии. Другие видят в подобных рассуждениях желание найти козла отпущения, попытку списать на прошлое проблемы, возникшие в результате несостоятельности нынешних лидеров. С точки зрения третьих, историческое наследие действительно оказывает влияние, но докоммунистическое наследие порой может оказаться важнее, нежели коммунистическая эпоха.

Это не просто академические споры. Прежде всего, если существует очевидный и единообразный эффект “коммунизма”, который сегодня продолжает оказывать влияние на политику, это может послужить оправданием тем ученым и политическим

деятелям, которые, пытаясь проанализировать или решить проблемы посткоммунистических стран, рассматривают их как некую отдельную “группу”. Например, Госдепартамент США обсуждает, должны ли его внутренние аналитические структуры включить Центральную Азию в ту же категории стран, к которой принадлежат Украина и Беларусь, или, напротив, при принятии политических решений “место” Центральной Азии там же, где находятся Индия, Пакистан и Афганистан. И даже если существует общий “коммунистический опыт”, объединяющий такого рода страны и по сей день влияющий на их развитие, означает ли это, что он более значим, нежели любой другой исторический опыт, который объединяет их с другой группой стран? Возможно, историк Стивен Коткин поставил этот вопрос острее в своей лишь отчасти иронической дискуссии о “постмонгольском пространстве”¹.

¹ KOTKIN S. *Mongol Commonwealth?: Exchange and Governance across the Post-Mongol Space* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. Summer. Vol. 8, № 3 (August 20, 2007). P. 487–531. URL: https://q-aps-qa.princeton.edu/sites/default/files/mongol_commonwealth_0.pdf (доступ 08.12.2017).

После краха коммунистических режимов многие ученые, которые исследовали влияние этого прошлого на формирование политических институтов, обнаружили существенные расхождения в разных странах посткоммунистического мира. В то время как в одних странах переход по существу заключался лишь в переименовании правящей партии или по крайней мере в сохранении многих формальных органов государственной власти советской эпохи, другие стремились к тому, чтобы практически вырвать их с корнем, разрушить старое и создать на его месте что-то новое. Процесс вступления в Европейский союз и НАТО, к примеру, побуждал новых членов, а также те страны, которые поставили себе целью вступить в эти международные альянсы, провести тщательную ревизию политических, военных и экономических институтов; некоторые из этих стран даже изменили внешний облик и больше не кажутся такими уж “советскими”.

А что же сами люди? Несут ли на себе печать коммунистического прошлого сегодняшние жители Сербии, восточной части Германии, Венгрии, Эстонии, Украины, России, Таджикистана и Грузии?

В новой книге Григора Поп-Элечеса и Джошуа Такера приведены самые убедительные на сегодняшний день свидетельства того, что коммунизм оказал — и продолжает оказывать — существенное влияние на образ мыслей людей в посткоммунистических странах, на то, как именно они относятся к политике и экономике. В книге “Тень коммунизма” авторы представляют свои выводы, сделанные на основе анализа данных социологических опросов, проводившихся на протяжении почти двух десятков лет. Они утверждают, и делают это достаточно убедительно, что пережитый коммунистический опыт приводит к тому, что люди, в совокупности, в меньшей степени поддерживают демократию и свободный рынок и в большей степени выступают за государственное социальное обеспечение; при этом опыт жизни в коммунистической стране не оказывает очевидного влияния на отношение к вопросу гендерного равенства.

В исследовании использован комплексный и всесторонний подход, и действительно

книга читается не столько как история региона, сколько как история тех грандиозных усилий, которые авторы предприняли, дабы удостовериться, что они пришли к наиболее точным выводам на основе огромного количества данных, имевшихся в их распоряжении. Важнейшая особенность их исследования заключается в том, что авторы изучали не только посткоммунистические страны, но и другие страны мира, в которых никогда не было коммунистического правления. Такой метод дает им принципиальную возможность с уверенностью говорить о том, что именно присуще исключительно тем странам, которые пережили коммунизм.

Авторы начинают с того, что проводят важное теоретическое разграничение: сегодня на людей может оказывать влияние как то обстоятельство, что они сами жили во времена коммунизма, так и просто тот факт, что они живут в посткоммунистической стране. Эффект “личного опыта жизни при коммунизме” означает, что эти люди сегодня такие, как они есть, именно в силу того, с чем им пришлось лично столкнуться в годы коммунистического правления — например, коммунистическое образование или репрессии, которым подверглись их семьи. Эффект “жизни в посткоммунистическом государстве” не оказывает столь непосредственного воздействия и никак не связан с личным опытом, пережитым во времена коммунизма, — в этом случае речь идет о том, как коммунизм повлиял на общество или на институты, которые в свою очередь оказывают влияние на взгляды людей в наши дни. Например, коммунистические режимы стремились к уравниванию социальных классов и проводили политику форсированной индустриализации и урбанизации, что, как можно предположить, в свою очередь должно было повлиять на политические взгляды людей независимо от того, каким был их личный опыт жизни при коммунизме.

Исследователи выделяют четыре основных вопроса, на отношение к которым мог повлиять коммунизм, и для каждого проводят последовательный анализ, с тем чтобы выяснить, имел ли коммунизм в данном случае длительное воздействие и если да, то какое. Авторы начинают с главного наблюдения,

что граждане посткоммунистических стран в меньшей степени поддерживают рыночную экономику и демократию и в большей степени — идею государственного социального обеспечения, а затем вводят контрольные переменные, чтобы выявить, как именно коммунизм изменил общество. Поскольку установленное “посткоммунистическое отличие” не исчезает при введении контрольных переменных, исследователи делают вывод, что коммунизм оказывал наиболее существенное влияние на позицию людей непосредственным образом, то есть в результате реального личного опыта жизни при коммунистическом режиме.

На этом исследование не заканчивается: затем авторы рассматривают, каким именно образом коммунизм оказывал влияние. Один из выводов вполне ожидаемый: более длительный опыт жизни при коммунизме оказывает более сильное воздействие на последующие воззрения людей, нежели кратковременный; это — один из результатов, который помогает объяснить, почему в России коммунизм оставил более глубокий след, чем в странах Восточной и Центральной Европы. Другой вывод менее очевидный: оказывается, коммунизм влияет на экономические и политические воззрения граждан в большей степени, если в эпоху коммунистического правления они были взрослыми людьми, и в меньшей — если были детьми. Авторы объясняют это тем, что именно во взрослом возрасте человек по-настоящему испытывает на себе особенности коммунистического порядка (характер экономики, отсутствие демократии).

Наконец, авторы выделяют ряд факторов, которые помогли людям “получить прививку” от коммунизма либо, напротив, сделали их более восприимчивыми к его влиянию. Хотя этот анализ временами становится очень сложным и при исследовании отношения к тому или иному вопросу результаты не всегда полностью согласуются друг с другом, одно из интересных наблюдений состоит в том, что принадлежность к католической церкви оказывается фактором, усиливающим сопротивление людей коммунистическому влиянию. Еще один результат, полученный авторами, свидетельствует о существенной роли семьи;

при этом если по своим воззрениям родители принадлежат к меньшинству, то их влияние на взгляды детей оказывается сильнее. Похоже, что инакомыслие родителей обладает большой силой при передаче ценностей внутри семьи. Также оказалось, что коммунистическая социализация была наиболее действенной в городских условиях. Кроме того, на основании полученных данных авторы делают вывод, что воззрения людей “формировались в меньшей степени под влиянием прямой идеологической обработки и в большей — в результате постепенного ослабления сопротивления тем идеям, которые продвигало государство”; это важное наблюдение помогает объяснить, как воздействие коммунизма на взгляды людей менялось со временем, вплоть до конца 2000-х годов.

До сих пор в центре нашего внимания были выводы, которые касались поддержки демократии, рынка и социальной защиты, но, оказывается, дело обстоит совсем иначе с проблемой гендерного неравенства. Авторы объясняют это тем, что вопрос гендерного равенства был не столь важным для коммунистических режимов, вследствие чего женщины получали место на рынке труда, но в то же время несли “двойное бремя”, поскольку предполагалось, что они должны по-прежнему выполнять большую часть работы по дому. Посткоммунистические страны выделяются на общемировом фоне своим взглядом на эту проблему, выступая не за гендерное равенство, а против него. Авторы подробно разбирают это обстоятельство, выдвигая чрезвычайно интересные наблюдения, и показывают, что столкновение с коммунизмом в раннем детстве на самом деле способствовало благожелательному отношению к идее гендерного равенства, в то время как столкновение с коммунизмом во взрослом возрасте определенно приводило к обратному эффекту. Исследователи полагают, что подобная ситуация сложилась из-за того, что в действительности гендерное равенство было в определенной мере реализовано в школах, где девочки и мальчики учились вместе, а учителями часто были женщины, в противоположность взрослому миру, где по большей части доминировали мужчины.

В заключение надо сказать, что Поп-Элчес и Такер создали новый классический труд, на который еще долго будут опираться те, кто продолжит изучение затаенного воздействия коммунизма. Нет сомнений, что он определяет насущные исследовательские задачи и поднимает множество вопросов, на которые предстоит ответить будущим исследователям. Какие элементы восприятия вероятнее всего были сформированы под влиянием коммунизма и можно ли рассматривать те взгляды, которые были проанализированы в данной книге, как типичные или, напротив, исключительные? Только ли коммунизм оказал такое влияние — или, быть может, кто-то обнаружит подобные закономерности и для других режимов? Почему расхождение между коммунистической идеологией и практикой более значимо, когда речь

идет о гендерном вопросе, нежели когда дело касается заявлений, что коммунизм — это форма демократии? Как изменения в сознании людей, унаследованные от коммунизма, сказались на крупномасштабных политических процессах: на характере нового, посткоммунистического политического режима, рыночных реформах и политике социальной защиты? Ведь значимость книги заключается не столько в том, какие важные ответы она дает, сколько в том, какие важные направления исследований она предлагает.

Генри Хейл